

Алексей Митрофанов

Калининград

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

**Калининград.
Городские прогулки**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Калининград. Городские прогулки / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859285-0

Истории в Калининграде не такие, как в средней полосе России. В них действуют не дворяне Разумовские и не купцы Калашниковы, а тайный советник Герман Клас, бранденбургский маркграф Альбрехт Гогенцоллерн и крестьянин Андреас Грюнхайде. И действуют они совсем не так, как действовали бы на берегу реки Пахры или же Клязьмы. Досоветское здесь — довоенное, а не дореволюционное. В основной части страны главная временная граница прошла по 1917-му, а здесь — по 1945 году. Русский город с немецкой историей.

ISBN 978-5-44-859285-0

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Центральная магистраль	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Калининград Городские прогулки

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2017

ISBN 978-5-4485-9285-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В Калининграде нет почти ничего общего с другими областными центрами России. То есть формально все, конечно, так, как, например, в Тамбове или же Владимире. Валюта – рубль. Язык – русский. Номера автомобилей – тоже. Главная улица до сих пор носит имя Ленина. А рядом с ней находится правительственный дом с российским флагом.

Тем не менее различий больше, нежели сходств. Да, номера здешних машин российские. Но сами машины – импортного производства. Редко-редко по улице вдруг проедет потертый отечественный микроавтобус.

Названия гостиниц также довольно непривычные. «Ганза», «Альбертина», «Гостевой дом Обертайх». Правда, все еще встречаются старые добрые «Маяк» и «Патриот», но это уже исключение из правила.

Главное отличие заключается в архитектуре. Наша старина – это, как правило, пышные храмы с золотыми луковицами, дворянские усадьбы с портиками о шести колоннах, бесконечные арки торговых рядов и ампирная строгость государевых учреждений.

Здесь все иначе. Старина – это, скорее всего, готика. Руины протестантских храмов, романтические краснокирпичные ворота, по-немецки мощные дома восточных пруссов. Даже рельсы для трамваев здесь другие – узкие, на европейский лад. И российским трамвайным вагонам приходится делать маленькую операцию на колесах, иначе они не поедут.

И, разумеется, истории в Калининграде не такие, как, допустим, в средней полосе. В них действуют не дворяне Разумовские и не купцы Калашниковы, а тайный советник Герман Клас, бранденбургский маркграф Альбрехт Гогенцоллерн и крестьянин Андреас Грюнхайде. Естественно, что и действуют они совсем не так, как действовали бы на берегах Пахры или же Клязьмы.

Когда мы имеем в виду «досоветское», то очень часто говорим «дореволюционное». Здесь революции не было, и, чтобы отличить одну эпоху от другой, надо говорить не «дореволюционное», а «довоенное». В основной части России главная эпохальная граница прошла по семнадцатому году. Здесь – по сорок пятому.

Парадоксальность города была весьма красноречиво передана в одном из фильмов перестроечной эпохи. Там житель города был изумлен – вот, дескать, Кант. В энциклопедии сказано, что он родился в Германии и похоронен на родине. А могила его в России. Как же так?

А вот так.

* * *

Датой рождения Калининграда принято считать 1255 год, когда тевтонцы основали на берегу Прегеля крепость под названием Кенигсберг. В начале следующего столетия крепость настолько усилилась, что ее для своей резиденции выбрал сам Великий маршал Тевтонского ордена. С этого момента город начал подниматься и, в конце концов, дорос до статуса столицы Восточной Пруссии.

Уже в 1380 году на острове Кнайпхоф было закончено строительство главного, Кафедрального собора. Этот памятник по сей день украшает город и является его самым известным символом.

Дальнейшее развитие истории Калининграда шло весьма стремительно (по крайней мере, по российским меркам). В 1420 году появилась первая аптека, в 1525-м была отпечатана первая книга, в 1534-м открылась первая кенигсбергская библиотека, а в 1544м принял первых студентов университет «Альбертина» (назван по имени его основателя, герцога Альбрехта).

В 1697 году в Кенигсберг под руководством самого царя Петра прибыло из Москвы Великое посольство. Целью его было ознакомиться с Европой и, так сказать, перенять передовой опыт. Об этом в наши дни напоминает водка под названием «Великое посольство» – один из самых популярных в городе крепких напитков. А в 1716 году Петр Первый получает «Янтарную комнату» – дар очарованных им кенигсбержцев.

В 1758 году, во время Семилетней войны грозная крепость Кенигсберг капитулировала перед русскими войсками. Жители города присягнули на верность императрице Елизаветы Петровне. И быть бы Кенигсбергу простым губернским городом с традиционными торговыми рядами, ампирическим зданием присутственных мест и множеством православных соборов, но в 1761 году русский престол переходит к Петру III, большому поклоннику всего немецкого. Естественно, что Петр чуть ли не с извинениями возвращает Кенигсберг германскому королю Фридриху II, своему кумиру.

Город вновь становится немецким. В 1830 году здесь открывается машиностроительная фабрика Б. Л. Штайнфурта, будущий Калининградский вагонный завод. В 1895 году по Кенигсбергу начинает ходить трамвай. В 1896-м начинает действовать Кенигсбергский зоопарк.

Вторично русские войска вошли сюда, спустя без малого два века, и в 1945 года кенигсбергский комендант подписал акт о капитуляции перед Советским Союзом. Город вновь стал российским, и на этот раз надолго.

* * *

Кенигсберг издавна привлекал пристальное внимание русских путешественников. Один из них, П. Сумароков, так отзывался о восточно-прусском стольном граде: «Кенигсберг, прежняя столица Пруссии, прусская Москва, обширен, имеет остатки древности, но неопрятен, каналы поросли травой, и оставленные без довершения заведения... ясно свидетельствуют, что Берлин осудил оный занять вторую по себе степень. Мы расположились в Deutsche Hause, против него виден hotel de Russie, наняли лакея, и не щадя сил, удовлетворили любопытство...

Некоторые улицы прямы, довольно широки, прочие узки, как в Риге, но не столь излучисты. Лангас – лучшая из всех, особенно же по сию сторону моста. Высокими о четырех-пяти ярусах под одну крышу домами, множеством при них балконов, рядами крылец, решетками с бронзовыми отделками, распущенными при них маркизами, одни над другими, являет приятное зрелище. Королевская, Французская также отличны; и фобург, или предместье новейшей архитектуры, превосходнее самого города. Пестрота стен необыкновенна, на них встречаются образчики всех цветов. Обилие фонтанов доставляет при украшении великие удобства.

Кафедральный, закопченный столетиями, храм вмещает в себя славные органы, длиною 6 сажень о 5 стволах, мраморные гробницы Бранденбургских курфюрстов и изваянные их изображения. Прахи хранятся при алтарях, пространные надписи возвещают пышные имена, и нам казали череп с цевницею от ноги порфиросца, вываренные в масле бронзового цвета. Внимание, обращаясь на искусство, не занимается разбором мертвецов и стре-

мится от богатых памятников к темному проходу, к железному ограждению простой работы. Тут покоится бранный состав не царя, не героя, не тщеславного родом вельможи, а смиренного гражданина, именитого Канта».

Александр же Герцен писал: «В Кенигсберг я приехал усталый от дороги, от забот, от многого. Выспавшись в пуховой пропасти, я на другой день пошел посмотреть город: на дворе был теплый зимний день, хозяин гостиницы предложил проехаться в санях, лошади были с бубенчиками и колокольчиками, со страусовыми перьями на голове... и мы были веселы, тяжелая плита была снята с груди, неприятное чувство страха, щемящее чувство подозрения – отлетели. В окне книжной лавки были выставлены карикатуры на Николая, я тотчас бросился купить целый запас. Вечером я был в небольшом, грязном и плохом театре, но я оттуда возвратился взволнованным не актерами, а публикой, состоявшей большей частью из работников и молодых людей; в антрактах все говорили громко и свободно, все надевали шляпы (чрезвычайно важная вещь, – столько же, сколько право бороду не брить и пр.). Эта развязанность, этот элемент более ясный и живой, поражает русского при переезде за границу».

Кенигсбержец (а точнее, сам город) все время бросал вызов чопорным и гладеньким, живущим по уставу немцам. Можно сказать, что презирал уклад немецкой жизни. Денис Иванович Фонвизин, оказавшись тут в 1784 году, был поражен: «Тридцатого прибыли мы в Кенигсберг. Я осматривал город, в который от роду моего приезжаю в четвертый раз. Хотя я им и никогда не прельщался, однако в нынешний приезд показался он мне еще мрачнее. Улицы узкие, дома высокие, набиты немцами, у которых рожи по аршину. Всего же больше не понравилось мне их обыкновение: ввечеру в восемь часов садятся ужинать и ввечеру же в восемь часов вывозят нечистоту из города. Сей обычай дает ясное понятие как об обонянии, так и о вкусе кенигсбергских жителей. Тридцать первого в девять часов поутру вынес нас Господь из Кенигсберга».

Немирович-Данченко вообще не видел разницу между каким-нибудь русским уездным городом и Кенигсбергом: «Кто попадает в Кенигсберг не из России, а из Германии, тому он покажется совсем не немецким городом. Жалкие, мелкие домишки отдаленных улиц, грязь, слоями лежащая на самых главных, неопрятность жителей, массы славянских типов и множество евреев, встречающихся повсюду, дороговизна гостиниц и отсутствие всякого комфорта в них переносят вас куда хотите, в Россию, Литву, Польшу, но никак не в опрятную Германию. Какие-то допотопные, мохом поросшие извозчики, подобных которым вы встретите только в Вильне, дребезжащие коляски, нищие на улицах, отсутствие всякого порядка и обилие кабаков на каждом шагу, запутанные лабиринты дальних переулков, с бушующими пьяными, приземистые землянки, даже чуть ли не рядом с историческими дворцами и башнями – характеризуют этот важный порт. Почему Кенигсберг считается в Пруссии вторым после Берлина городом – я не понимаю. Еще в прошлом так, но теперь, какое же сравнение хотя бы с Кельном? Что касается до меня, то я более противного места в Германии не знаю. На рубеже двух государств Кенигсберг успел соединить у себя пороки того и другого, не усвоив их достоинств».

Что поделаешь. Не повезло этим путешественникам. Не про них построен город Кенигсберг. Грязные улицы, аршинные немецкие физиономии, какие-то землянки. Прочь! Ноги моей больше не будет в вашем Кенигсберге!

* * *

Кстати, наши соотечественники частенько называли Кенигсберг немецкой Москвой. Подразумевая, что Берлин – это как Питер, деловая и рациональная столица, а Кенигсберг – территория, специально отведенная для всякого рода необязательностей и причуд.

Граф Федор Ростопчин делал заметку в своем кенигсбергском дневнике: «Меня сейчас испугали. Я сидел и писал и не заметил, как вошла женщина колоссального роста, с огненными волосами; она подошла ко мне, поцеловала меня в плечо и выпросила два гроша. Это была служанка при кухне».

История – абсолютно в духе Кенигсберга.

* * *

Кенигсберг – удовольствие для избранных. И если человек в него влюбляется, то навсегда и без оглядки. Вот, к примеру, впечатления Вильгельма Кюхельбекера: «Теперь мы в Кенигсберге. Поутру осматривали город. Я уже видел несколько готических городов, но ни один не поразил меня до такой степени. Переезжая через мост, я ахнул: река Прегель по обеим сторонам обсажена узенькими высокими домами (между ними есть 8-миэтажные), которые стоят к берегу не лицом, а боком, снабжены огромнейшими кровлями и тем получают вид каких-то башен китайской, или, Бог знает, какой постройки! Улицы красивы и некоторые довольно широки: большие крыльца придают городу веселую, южную физиономию. Меня восхитили итальянские тополи, которые я здесь увидел в первый раз: не знаю красивее дерева».

Что ж, восхитимся городом и мы.

Центральная магистраль

Прогулка по Калининграду – дело непростое. В отличие от большинства российских городов, здешние достопримечательности сосредоточены не в самом центре, а на окраинах. А если в центре, то по большей части в глубине кварталов. Это не удивительно – ведь при бомбардировке и последовавшим за бомбардировкой штурмом в первую очередь пострадала именно центральная часть города, и как раз фасады главных улиц.

Но это не к тому, что в центре города совсем уж нечего смотреть. Безусловно, очень много старины, что называется, овеянной историями, сохранилось. Просто хождение по здешним улицам имеет некоторые особенности. Если в Ростове-на-Дону или в Саратове практически нет смысла отклоняться от центральных тротуаров, то в Калининграде следует время от времени сворачивать в очаровательные европейские дворики бывшей восточно-прусской столицы.

Здесь (и мы об этом уже упоминали), как и во многих городах России, главный проспект по сей день носит имя Ленина. Застроен он по большей части малоинтересными советскими домами, так что данное имя ему, в общем, подходит. Однако же на этой улице (и вблизи нее) находится немало достопримечательностей. Кроме того, именно здесь сосредоточено огромное количество кафе и магазинов. Иными словами, законы главной улицы соблюдены.

* * *

Начать прогулку лучше с Южного вокзала – памятника архитектуры 1929 года – массивный, мастодонтный и довольно точно отражающий дух той эпохи. Впрочем, обустроен он был достаточно уютно – просторные залы ожидания (раздельные – для курящих и для некурящих), при них рестораны. Билетные кассы, магазины с товарами для путешествующих, туалетные комнаты. Кроме того, имелись здесь парикмахерские (целых две), кегельбан и винный погребок. Скучать ожидающим поезда не приходилось.

Под стать вокзалу были и поезда: «днем с диванами, ночью с постелями (и бельем). Для мужчин и дам особые отделения, туалеты и все удобства. Приставленные к спальным вагонам кондукторы говорят обыкновенно на нескольких языках».

Русский предприниматель В. А. Кокорев оставил описание прусской дороги: «Означенная дорога сделана для людей, а не для пустырей, как у нас, и не для одной связи оконечностей, т. е. Берлина и Кенигсберга, а для каждого из близких к пути городов. Поэтому она идет и влево и вправо, захватывая населенные тракты. Вот доказательство того: прусские шоссе идут не прямолинейно, а как требует населенность деревень и местечек, и по такому шоссе от Кенигсберга до Берлина 547 верст, а по железной дороге 616 верст. Из этого очевидно, что здесь современные открытия, как, например, железные дороги и телеграфы, отыскивают народ, а не наоборот. Поэтому Кенигсбергская железная дорога есть истинное оживление для всей Восточной Пруссии, а наша Николаевская есть смерть для Новгорода, Крестцов, Валдая, Торжка и для 300 тысяч жителей, обитающих по заброшенному Московскому шоссе.

Езда здесь несравненно покойнее нашей, никакой тряски, ни малейшего дребезжания стекол. Рельсы в их стыках свинчены. Станции чисты, везде буфеты с отличными бутербродами и славным пивком, какое в России вовсе неизвестно. Станции устроены чисто, но экономно, никакой излишней роскоши нет. Это не те огромные казарменные станции, что у нас, а миленькие, простенькие, все разнообразные домики, в роде дачек; зато они есть через 2 и менее мили, везде поезд останавливается, принимает и высаживает. Езда гораздо скорее нашей, излишней траты времени на станции нет. Дорога так покойна, что никакого утомления не ощущается».

Особенно нашему соотечественнику приглянулся обед: «Обед на железной дороге был прекрасный. На него назначено 25 минут. Лишь только пришел поезд, на столе уже стояли против каждого прибора на 4-х тарелках вот что: бифтек, рыба разварная, котлеты и жареный цельный цыпленок. Бери каждый или по выбору, или все.

Пассажиры из Кенигсберга поехали немного, вагонов пять, но по пути число их беспрестанно прибавлялось, и на половине дороги было уже вдвое более».

А критик Добролюбов так и вовсе посвятил прусской дороге целое стихотворение. Оно так и называется – «В прусском вагоне»:

По чугунным рельсам
Едет поезд длинный;
Не свернет ни разу,
С колеи рутинной.
Часом в час рассчитан
Путь его помильно...
Воля, моя воля,
Как ты здесь бессильна.

Ощущение такое, будто и вовсе нет нужды бывать в Кенигсберге или в Берлине. Достаточно курсировать меж ними в поезде, наслаждаясь скоростью, обедом и вокзальчиками-«дачками», и бесконечно сравнивать Восточно-Прусскую железную дорогу с отечественной.

Привокзальная же площадь выглядела как ей и полагается. Русский путешественник Г. Воробьев писал: «Поезд остановился... На площади вокзала – извозчики точь-в-точь, как в Берлине: ландо, парюу, с таксометром, возницы в цилиндрах».

Кстати, по этой железной дороге везли в Россию труп писателя Тургенева. Без особых, кстати, почестей. М. М. Стасюлевич вспоминал: «Подошел тот самый прусский пассажирский поезд, с которым должно было прибыть тело Тургенева, а через несколько минут ко мне вбежал служитель с известием, что тело Тургенева прибыло, одно, без провожатых и без документов, по багажной накладной, где написано: „1 – покойник“ – ни имени, ни фамилии. Мы догадывались, что это – Тургенев, но, собственно, не могли знать этого наверняка. Тело прибыло в простом багажном вагоне, и гроб лежал на полу, заделанный в обыкновенном дорожном ящике для клад».

Впрочем, Ивану Сергеевичу было уже все равно.

Именно с вокзала попадали в город первые советские переселенцы. «Я жадно всматривался через мутное от паровозного дыма окно нашего переполненного вагона и проплывающие разбитые дома пригорода большого города. Скоро остановка, конец долгого пути, и мы: мама, брат Алексей и я, семилетний мальчик, – окажемся в новом, совсем не знакомом, чуждом нам немецком городе...»

Поезд замедлил ход, сильно начало толкать назад и вперед. Все. Конечная остановка. Кругом пустынно, безлюдно, одни шпалы и рельсы, целые и разбитые товарные вагоны, вдали виднеются большие деревья, кусты цветущей сирени, какие-то непонятные постройки.

Все поднялись, зашумели, засуетились, начали выходить, выносить свой нехитрый скарб: фанерные чемоданы, узлы, котомки.

Это – Кенигсберг...

Мы тоже выходим и плетемся со своими вещами туда, куда идут все, к мосту, а там долго стоим, ждем, когда кто-то подвезет нас».

Впрочем, первые советские переселенцы – тема отдельная.

* * *

Калининград – самый молодой региональный центр России. Восточная Пруссия (если быть совсем уж скрупулезным – ее часть) сделалась нашей в начале осени 1945 года.

Как же именно происходило освоение новой земли?

На рубеже 1944—1945 годов в нашей стране вдруг узнали о существовании Восточной Пруссии и ее столицы Кенигсберга. Советские войска вплотную подошли к этой земле, и, разумеется, она стала мелькать в военных сводках. И не только – эта часть Германии вошла в отечественную литературу. Демьян Бедный посвятил стихотворение Эриху Коху, гауляйтеру (то есть руководителю) Восточной Пруссии:

Эрик Кох – нет твари гнойней! —
В Кенигсберге «заскучал».
Для себя приют спокойней
Он давно уж намечал.

А солдаты пели песни собственного сочинения:

Мы идем на тебя непреклонно,
Город-крепость, город-склеп.
Громовую пальбой потрясенный,
Кенигсберг от огня ослеп.

Наконец Отто Ляш, комендант Кенигсберга, издал исторический «Приказ на выступление оставшимся войсковым частям гарнизона». Капитуляция была расписана с немецкой скрупулезностью:

- «1. Офицеры могут взять с собой холодное оружие (но только холодное).
2. Каждый офицер может взять с собой личного ординарца.
3. Личные вещи офицеры имеют при себе (могут нести их сами или используя ординарца)».

Демьян Бедный написал очередной стишок:

Мы с корнем вырвали «восточно-пруссский клык»,
Иль Кенигсберг, сказать иначе.
Его принудили мы к сдаче.
Фашисты все кричат на крик,
Не ждали-де подобной вещи!
Как ни были крепки
Фашистские клыки,
Но оказались покрепче наши клещи...

А военкор Твардовский с удовольствием описывал вновь отвоеванный объект: «Дощечки с надписями «Проезда нет» и «Дорога обстреливается» – еще не убраны, а только отвалены в сторону.

Но очевидным опровержением этих надписей, еще вчера имевших полную силу, уже стала сама дорога. Тесно забитая машинами, подводами, встречными колоннами пленных немцев и возвращающихся из немецкой неволи людей, она дышит густой, сухой пылью от необычного для нее движения...

Однако Кенигсберг прежде всего большой город. Много из того, что на въезде могло сразу броситься в глаза – башни, шпили, заводские трубы, многоэтажные здания, – повержено в прах и краснокирпичной пылью красит подошвы солдатских сапог советского образца, мутно-огненными облаками висит в воздухе.

И, однако, тяжелая громада города крепости и в этом своем полуразмолотом виде предстает настолько внушительно, что это несравнимо со всеми другими, уже пройденными городами Восточной Пруссии».

В сентябре 1945 года по решению Потсдамской конференции город, восхитивший Александра Трифоновича, сделался частью СССР. С тех пор задачи, связанные с Кенигсбергом, были исключительно гражданскими, а не армейскими.

* * *

Пафос завоевателей стремительно сменился скучной хозяйственной рутинной. Вот, к примеру, как выглядел один из приказов военного коменданта города и крепости Кенигсберг генерал-майора Пронина: «Приказываю:

1. Всем районным Военным комендантам назначить техника-смотрителя зданий из числа офицерского состава, имеющего техническое образование...

2. Техники-смотрители зданий назначаются для эксплуатации спецустановок и оборудования зданий и сооружений, для чего утверждается штат рабочих разного рода, специалистов (печники, истопники, электромонтеры, мотористы, водопроводчики, столяры, плотники и прочие специалисты эксплуатационники) с непосредственным подчинением технику-смотрителю.

3. Техник-смотритель в техническом отношении подчиняется начальнику районной квартчасти и во всех отношениях коменданту района».

И так далее.

В город же все прибывали откомандированные офицеры и солдаты, а также обычные граждане, клюнувшие на обещания так называемых вербовщиков. Те сулили золотые горы чуть ли не всем гражданским: автоматически – офицерское звание (конечно, с соответствующим жалованием и льготами), любую квартиру в любом доме, помощь в становлении домашнего хозяйства и т. д. Гарантия вербовщиков была довольно зыбкой – дескать, что вы беспокоитесь, если чего-нибудь не так, то в Кенигсберге вы меня всегда найдете, ну а я всегда вам помогу.

Вербовщики, по большей части, выглядели rispetабельно, и население им верило. Тем более что среди аргументов наличествовали и вполне официальные распоряжения. Вот, например, постановление Совмина от 9 июля 1945 года: «Продать каждой переселенческой семье колхозников специалистов сельского хоз. на месте по госценам: 1 пальто, 30 метров хлопчатобумажных тканей, 10 литров керосина, 10 килограммов соли, 40 коробок спичек; и каждому члену семьи: пару обуви, 1 головной убор (платок, шапка), по 2 пары носков и чулок, 2 катушки ниток и 1 кгр хозяйственного мыла».

В послевоенную разруху это предложение смотрелось очень даже привлекательно.

Действительность была совсем другой. Вот один из официальных документов: «В общежитиях (а вовсе не в обещанных вербовщиками квартирах и особняках – А.М.) одиноких рабочих грязь и мусор, постельными принадлежностями рабочие полностью не обеспечены, а имеющиеся покрыты слоем грязи. Кипятильников в общежитии нет, нет и кипяченой воды, рабочие пользуются водой из водопровода. Прачечных нет, поэтому рабочие вынуждены стирать свое белье в реке. Медпунктов неотложной скорой медицинской помощи ни на одном предприятии нет – и вообще медобслуживание рабочих поставлено исключительно плохо... Большинство из них имеет только одну пару нательного белья, кото-

рое стирке не подвергается, и один рваный костюм; обуви большинство не имеет, а имеющаяся пришла в полную негодность».

Акты, издаваемые городскими службами, также обескураживали: «На улице Энергетиков в доме №71 на 2-м этаже в комнате площадью 22 м кв. проживает 11 человек (семьи рабочих Стовцевой, Дажиной и Вуколовой), на этом же этаже в другой комнате площадью 25 м кв. проживает 15 человек... Эти комнаты находятся в антисанитарном состоянии, а именно: стены, потолки заплесневелые, полы грязные, жесткий и мягкий инвентарь отсутствует, все проживающие рабочие вповалку спят на полу».

Случались и такие неприятности: «На улице Каретная, дом 12, в помещении бывшей мертвецкой-крематорий проживает 4 семьи рабочих... Помещение под жилье совершенно непригодно, нет окон, отопительная система отсутствует, полы цементные, в помещении масса крыс, по заявлению Алексеевой есть случаи укуса живущих крысами».

Кстати, городская фауна довольно сильно осложняла жизнь переселенцев. Власти были вынуждены издавать следующие распоряжения:

«а) широко разъяснять населению вред, наносимый грызунами, меры борьбы с ними...

б) организовать во всех населенных пунктах и на полях проведение работ по массовому уничтожению грызунов, привлекая для этой цели все хозяйственные, общественные организации и местное население. Создать до 10.XII.46 г. в городах, рабочих поселках и райцентрах специальные отряды для уничтожения грызунов, обратив особое внимание на борьбу с грызунами в разрушенных зданиях, пустырях, местах свалок;

в) в учреждениях и на предприятиях выделить ответственных лиц за проведение работ по уничтожению грызунов».

Опасности, подстерегавшие переселенцев, были самыми разнообразными и непредвиденными. Прокурор Калининградской области, к примеру, об одной из них писал другому деятелю, председателю горисполкома: «14 декабря 1947 года по Комсомольской улице в доме №2 произошел обвал стены, в результате которого погибла семья в составе 7 человек. Обвал произошел в силу воздействия большого количества осадков на ветхие стены здания при отсутствии крыши на последнем».

А газеты получали вот такие письма: «На улице Александра Невского колодцы без люков – буквально на каждом шагу. Недавно я тоже оказалась жертвой бездеятельности горкомхоза и была отправлена в больницу. Здесь я узнала, что по той же причине сюда попало еще несколько человек».

Кстати, подобные условия имели свои, хотя и несоизмеримые, но все же положительные стороны. В частности, дети в переселенческих семьях были гораздо более самостоятельными, нежели в центральной России. Один из мемуаристов вспоминал: «Мы, ребята, как могли, зарабатывали себе, для своих нужд, деньги, собирая для этого в развалинах металлолом, из телефонных и электрических кабелей вытапливая свинец, а затем все это сдавали на приемные пункты металлолома или старьевщикам и на полученные деньги покупали мячи, книги, пирожки, печенье, конфеты и, конечно, сигареты.

В школе же, бывало, всем классом и даже школой частенько выходили, разбирали развалины домов, очищали от сухого раствора кирпичи, складывали их в стопки, грузили на машины».

Лишь к 1949 году быт более-менее начал налаживаться. В газетах даже появились объявления рекламного характера: «Магазин №7 «Мясо-рыба» Калининградского горрыбкоопа открыт ежедневно как дежурный с 10 до 22 часов.

Всегда можно купить: свежее мясо, свиное, говяжье, фарш, колбасные изделия, масло сливочное, маргарин, консервы рыбные, мясные, овощные, рыботовары, икру, сухофрукты, папиросы и вина в большом ассортименте».

И даже в калининградской глубинке начинались позитивные сдвиги: «Бескоровность среди переселенцев 1949 года ликвидирована, за исключением тех семей, которые имели скот, но по разным причинам сами продали, прирезали или не имеют на руках справки о бескоровности».

* * *

Еще одна особенность калининградской жизни заключалась в том, что здесь на протяжении нескольких лет (до того, как начались массовые депортации) вынуждены были мирно сосуществовать вчерашние враги – советские люди и немцы. При этом коренное население врагами более официально не считалось – ведь война была закончена.

Но соседство доставляло немало проблем. Хотя бы религиозного плана. Уполномоченному по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в Калининградской области было значительно сложнее, чем в других советских регионах. Ведь жители Восточной Пруссии не знали, что такое революция, воинствующие безбожники, закрытие церквей и атеизм вообще. На первых порах деятельность государственной власти сводилась к регистрации религиозных общин (разумеется, по большей части протестантских) с тем, чтобы пасторы хотя бы где-нибудь официально значились, а не превращались в так называемых «бродячих проповедников». При этом инструкции были достаточно мягкие: «для оформления регистрации религиозного общества требуется заявление, подписанное не менее чем двадцатью совершеннолетними местными жителями».

Впрочем, там же значились ограничения: «Не допускается совершение каких-либо религиозных обрядов в государственных, общественных учреждениях и на предприятиях».

Но немцам было не до того. «Верующие активности большой не проявляют, – писал уполномоченный А. Глазких, – так как все хотят уехать... Молитвенные здания в порядок не приводятся. Многие из них только носят названия, а по сути большинство – это подвалы в разрушенных зданиях, которые не могут быть использованы для других целей».

Разумеется, особенности немцев не сводились только к их религиозности. Ведь это были люди совсем иной культуры и притом воспитанные отнюдь не в духе Ленина и Маркса. Не удивительно, что поначалу коренные кенигсбержцы продолжали вести себя так, как привыкли при капитализме. А на столы новых начальников Восточной Пруссии ложились рапорты: «Доношу, что владелец магазина Фор Алла по улице Луизен Аллея д. 49 производит обмен готовой обуви и одежды на продукты, что подтверждают обнаруженные в шкафу четыре пары полуботинок, нательное белье и продукты: сахарный песок – 0,450 кг, мука пшеничная 0,750, фасоль – 0,1, табак легкий – 0,2. Продукты обнаружены вторично. Прошу возбудить ходатайство перед зам. в/коменданта по гражданскому управлению о наложении штрафа на Фор Аллу в сумме 20 000 марок за нарушение прав торговли. Ст. л-т Кузнецов».

Но, несмотря на разность в воспитании, жизнь в одном городе способствовала объединению народов. Люди учили языки друг друга, ходили в гости и объединялись в интернациональные семьи. И в 1947—1948 годах, когда начались переселения немцев в «советскую зону оккупации в Германии», было пролито немало слез и немало расстроено судеб.

Один очевидец, в те времена совсем маленький мальчик, вспоминал: «Я помню, как в январе сорок восьмого года по нашему Сталинградскому проспекту, сейчас проспекту Мира, несколько дней шли на товарную станцию... немцы, немки, их дети. Они шли, можно сказать, налегке, с одним-двумя чемоданами, узлами, катили маленькие тележки, измученные, покорные, смирившиеся со своей судьбой, зачастую голодные.

Они покидали свою землю, ту, где родились, жили, трудились, растили детей.

В один из этих дней, я это постоянно вспоминаю, к нам в подъезд, а мы с братом стояли в нем и смотрели, как бредут немцы, вошла немка и со слезами на глазах просила, умоляла дать немного хлеба для своих голодных детей, так она говорила на ломаном русском языке.

Я сбежал, позвал маму, и она, увидев эту несчастную женщину, отдала имеющуюся у нас тогда половинку буханки хлеба, а та, в знак благодарности, после ухода возвратилась и принесла, отдала нам прекрасные, гнутые немецкие детские санки, на которых мы прокатились все наше детство».

Так что даже незнакомые друг другу люди подчас расставались как родные.

* * *

Одной из весьма существенных сторон калининградской жизни стало проведение всяческих митингов, собраний и разъяснительных бесед. Советская власть вообще щедра на этот счет, но в восточно-прусском регионе дело с «агитацией и пропагандой» было поставлено на редкость хорошо.

Начиналось все еще в поезде, по дороге на новое место. «Калининградская правда» писала: «В пути состоялся митинг пассажиров переселенческого эшелона, на котором... они заявили, что отдадут все силы строительству новой советской области. Будущие новоселы, посылая привет калининградцам, заверяют, что образцово проведут весенний сев, будут самоотверженно работать над укреплением колхозов и совхозов области».

По приезде «новые калининградцы» попадали в очередной переplet: «В Просницком районе инспектором отдела т. Берсеновой К. А. с переселенцами проведено 18 бесед на темы:

1. Новое освоение земель (получение богатых урожаев).

2. Забота правительства о переселенцах.

3. Калининградская область – земля, которая принадлежит СССР, почему она была территорией Германии?

4. Природные богатства области.

5. Климат и т.д.».

Особенно же пафосно обставили переименование города Кенигсберга. Митинги по этому поводу организовали где только можно. По этому поводу писали следующие бумаги:

«Донесение парторганизации Калининградского вагоностроительного завода 2 июля 1946 года о проведении митинга, посвященного переименованию г. Кенигсберга в город имени старейшего революционера, пламенного трибуна, сына русского народа Михаила Ивановича Калинина в Калининград, Кенигсбергскую область в Калининградскую область.

На митинге присутствовало 600 человек русских, немцы на митинг приглашены не были... На митинге выступило шесть человек рабочих, ИТР и служащих завода, выступающие единодушно отмечали великое счастье русского народа, проживающего ныне в Калининграде, с призывом на улучшение работы на своих рабочих местах, на досрочное выполнение годовой программы, на создание лучших условий быта рабочих, ИТР и служащих, на бережное отношение к оборудованию и экономии средств и материалов, что будет лучшим ответом нашей Партии и Правительству».

Естественно, переименования затронули и городские улицы. На этой волне многие калининградцы также пытались свыше всякой меры продемонстрировать свою лояльность власти. Некто В. Мурин, например, опубликовал в «Калининградской правде» свое гневное письмо: «Я очень молодой житель г. Калининграда, и, может быть, поэтому названия многих его улиц особенно бросаются мне в глаза, производят странное и неприятное впечатление.

Вебер, Глюк, Гайдн... Мне знакомы эти имена, но я знаю более знаменитых и милых моему русскому сердцу композиторов, имен которых не встретишь на эмалированных табличках города.

Многие жители не знакомы, например, с произведениями Глюка и, естественно, недоумевают, за какие заслуги перед русским народом воздается ему такой почет? Или почему одна из улиц названа именем композитора Гайдна?

И, наоборот, не удостоены такой чести многие герои Великой Отечественной войны... многие... генералы, офицеры, солдаты... Я не знаю, что преобладает в этом никчемном увлечении именами немецких музыкантов – недомыслие или политическая близорукость работников Горкомхоза. Во всяком случае, ни то, ни другое не делает чести нашим коммунальникам».

К таким письмам прислушивались – за «политическую близорукость» можно было и жизни лишиться. И в результате в прессе появлялись заметки иного плана: «Частая путаница и неразбериха в доставке писем происходит еще и потому, что в Калининграде много улиц с одинаковыми названиями, встречаются дома с одними и теми же номерами. Например, в Сталинградском районе имеется две Офицерских улицы... По Каштановой Аллее есть три дома с номерами 19, три дома с номерами 19-а и три дома с номером 17... Не каждый почтальон знает, что улица Литовский Вал в то же время и Пехотная, и Новая».

Но жизнь налаживалась не только в бытовом, но и в идеологическом плане. Мероприятия политической направленности все чаще соединялись с развлекательными акциями. К примеру, одна из газет сообщала: «Сегодня в честь дня выборов большое массовое гуляние состоится в совхозе №14. Для избирателей днем будет поставлен концерт художественной самодеятельности. Вечером в совхозном клубе избиратели посмотрят кинофильм „Крейсер Варяг“. Весь день в совхозном клубе будут играть сегодня баян и три гармошки».

Правда, и на этом фронте случались курьезы. «Калининградская правда» насмешничала: «Рекламы зачастую пишутся до безобразия неграмотно. Например, в афишах клуба ЦБК Сталинградского района встречается столько грамматических ошибок, что их замечают даже учащиеся самых младших классов. Три дня менялась афиша этого клуба. И во всех трех афишах слово „радиола“ написано по-разному. В первой афише было написано: „Танцы под радиоло“, во второй – „Играет радиол“ и, наконец, в третьей – „под родиолу“».

Но и этот недостаток постепенно изживался.

* * *

Сложнее было с соблюдением закона. Не удивительно – ведь на предложения вербовщиков охотнее всех прочих откликались те, кому, что называется, нечего было терять. Это либо люди, чье хозяйство было уничтожено в войну, либо перекаати-поле или, как говорили в двадцатые, «деклассированный элемент».

Один из современников писал: «Напротив нашего дома была построена продолговатая досчатая палатка, где продавалось пиво, другие горячительные напитки и разнообразные закуски. Порой, сидя у окна своей комнаты, мне приходилось созерцать, какие интересные события разыгрывались там, внизу, возле нее, с каким смаком люди пили пиво, водку, все это закусывали, при этом ругались, выясняли отношения, порой ожесточенно дрались».

Подобная картина весьма характерна для послевоенного Калининграда. Естественно, завсегдатаи этих «досчатых палаток» не ограничивались «ожесточенными драками» друг с другом.

Власти, пусть нехотя, но признавались: «Переселенческий отдел утерял бдительность против воров и мошенников, без всякой проверки наличия прибывших переселенцев и без испытательного срока на колхозной работе оформляет в число плановых переселенцев всякого встречного, случайного человека... В связи с чем создалась благоприятная обстановка для жуликов и воров».

Наиболее безопасной для калининградских преступников стала, разумеется, «работа» с немцами, как с самыми бесправными жителями области. Комендант Калининграда сообщал: «Рабочие целлюлозно-бумажного комбината №2 Гредин и Лебедев, вооружившись первый – пистолетом, а второй – финским ножом, совершали вооруженные нападения на немцев, проживающих в городе, и под силой оружия отбирали у них носильные вещи».

Вот еще одно сообщение (в нем особенно любопытен арсенал калининградских бандитов): «Кузнецов Павел Александрович вступил в преступную связь с неустановленным гражданином и со своим братом Кузнецовым Иваном Александровичем последние начали заниматься грабежом немецкого населения. В апреле месяце 1947 года ими ограблена немка Монке, у которой забрали домашние носильные вещи, при этом грабители были вооружены гранатой и топором, в июне месяце 1947 года ограблены немки Гланер и Кригер, забрали носильные вещи, при этом был ранен немец Петершум».

Впрочем, не только немцы попадались под руку «новым пруссам». Масштабы хулиганства были безграничны: «Недопустимо безобразничают части 26 с. д. (стрелковой дивизии – А.М.), которые почти полностью уничтожили с. Гавайтен, где должен быть размещен колхоз».

Победителей, конечно, не судят. Но не до такой же степени...

* * *

Словом, после войны население Кенигсберга изменилось до неузнаваемости. Но лишь на первый взгляд. На смену отважным и романтичным торговцам явились такие же отважные и романтичные советские военнослужащие с семьями, а также еще более отважный и романтичный «деклассированный элемент» – они особенно охотно поддавались агитаторам и составляли первую волну переселенцев.

Реку Прегель переименовали в Преголю – так казалось более по-русски. Штайндам – в Ленинский проспект. В Альбертине приняли дела преподаватели марксизма-ленинизма. Одну мифологию сменила другая. Памятник королю Вильгельму снесли, на памятнике же Шиллеру на всякий случай написали: «Не трогать! Памятник культуры». Пустили вроде бы трамвай – только не назначили им остановки (но об этом позже).

В город пришел новый сюрреализм, прекрасно показанный А. Кайдановским в его потрясающем фильме «Жена керосинщика».

* * *

Немцев к тому времени успешно депортировали. Покидали они свой родимый город все с того же Южного вокзала, на который прибывали новые хозяева. Один из жителей города, Михаэль Вик, вспоминал: «Товарные вагоны напоминали арестантские. Стоять можно было лишь в проходе, потому что по бокам – на половине высоты вагона – были полки, чтобы удвоить количество лежащих мест. Посередине стояла железная печь, рядом с нею лежали брикеты угля и немного дров. И... жестяной бочонок из-под варенья, высотой со стул, в роли временного нужника. Он виден отовсюду и используется как мужчинами, так и женщинами.

Состав был большой, в нем ехало определенно более тысячи человек. После основательного контроля мужчины и женщины совершенно без разбору заполнили вагоны. Кто постарше, занял нижние полки, мы же, молодые, вскарабкались наверх. Я оказался среди женщин и девушек, которые нашли это забавным и, заметив мою неопытность (впрочем, это можно было бы назвать и целомудрием), в первую же ночь привели меня своими как бы случайными прикосновениями в величайшее смущение... Довольно темно было в вагоне и днем, потому что тяжелые двери снаружи заперли. Расположенные высоко вентиляционные окошки пропускали мало света, и лишь немногим удавалось выглянуть наружу. Они сообщали, что видели, и произносили названия мест, прочитанные на стенах железнодорожных станций».

Город освобождался от бывших своих горожан.

* * *

Рядышком с вокзалом еще одна достопримечательность – так называемые Бранденбургские ворота. Они были воздвигнуты в 1850-е годы и до сих пор служат по прямому назначению – через ворота проезжают, часто создавая пробку, многочисленные иномарки и российские трамваи. Кстати, трамвай здесь появился в конце позапрошлого столетия и был первым во всей Германии. Поначалу маршруты обозначали специальные таблички того или иного цвета на трамваях. Но в 1914 году маршрутов стало больше, чем легко отличимых друг от друга цветов, и пришлось все же ввести номера. А скорость долгое время составляла всего лишь девять километров в час.

После войны трамваи в Калининграде ходили с выбитыми стеклами, зимой в них было холодно невыносимо. Кроме того, неискушенное в хозяйственных делах начальство города забыло об остановках. То есть они, на самом деле, были, но без всяких опознавательных знаков, знали их только лишь вагоновожатые.

Правда, в скором времени трамвайное хозяйство было полностью реанимировано.

Кстати, нынешний трамвай – одна из главных кенигсбергских достопримечательностей. Вагоны у него такие же, как и во всей России, зато рельсовая колея – гораздо уже, та, что сохранилась еще с довоенных времен. Приходится к стандартному вагону приделывать калининградский, уникальный колесный механизм.

* * *

Первая достопримечательность на Ленинском проспекте – городская биржа (дом №83), построенная в 1775 году. Еще Елизавета Петровна дала Кенигсбергу статус своего рода свободной экономической зоны: «Соизволяем мы и среди самой войны пещись, сколько можно, о благосостоянии невинных худому жребию своему земель и потому торговлю их и коммерцию не пресекать, но защищать и вспомоществовать».

Вскоре после этого указа торговая жизнь Кенигсберга стала еще более активной, нежели до войны – ведь появился новый и богатейший партнер – купечество русское. В частности, предприниматель Петр Тарасенков привез сюда «сто пар туфлей простых черных, тридцать ходов подошвенных, тридцать кож белых, пять тысяч гвоздя подбойного разного сапожного, сорок четыре шуб овчинных простых, семьдесят четыре мерлушек черных».

И это была, разумеется, всего лишь частность.

Между тем Елизавета продолжала рекламировать среди российского купечества торговлю с Кенигсбергом: «Многие, однако ж, сомневаются отпускать свои товары и корабли в земли короля Прусского. И для того сим вторично объявляем, что понеже непременно усердствуем мы о распространении и свободной общей на Балтийском море коммерции, то соизволяем, что она не токмо с землями короля Прусского отсюда и из прочих мест без препятственно производима была, но что б и прочие королевства Прусского области... оною пользовались и в том от нашего флота никакого помешательства не имели».

А русский консул господин Исаков докладывал в 1785 году: «Торгующих и живущих в Кенигсберге купцов почитается всех до 400. Из сего числа 9 имеющие иностранные, в том числе две английские, да до 15-ти других контор, кои большею частию с Польшею и Россиею торг производят, а из жидов торгующие все... торг производят шелковыми и бумажными товарами, да всякими алмазными вещами, также и земчугом, впрочем как и протчия с разными иностранными государствами корреспонденцию имеют».

Результатом столь высокой коммерческой активности стали далеко не шуточные цены. Граф Федор Ростопчин, обескураженный, вспоминал: «Жизнь в Кенигсберге очень дорога: платят пошлину за все, что ввозят в город. Фунт мяса стоит 70 копеек, курица от 2-х до 3-х руб., гусь от шести до семи. Очень много вступает охотников в армию; повышения и награды, розданные за прошедшую войну, прельщают юношей надеть мундир... Непотребные женщины, записанные в полиции, обязаны ежемесячно платить по одному таллеру

на содержание госпиталя для зараженных известною болезнью. Таким образом эти несчастные создания наперед уплачивают и за себя, и за других. Управление вообще весьма просто. Есть только одна палата – и для финансов, и для юстиции».

Кстати, Льюис Кэрролл, посетивший Кенигсберг в 1867 году, заметил одну замечательнейшую особенность здешней торговли: «Должно быть, два самых продаваемых товара в Кенигсберге – это перчатки и фейерверки (поскольку ими торгует примерно половина всех магазинов). Тем не менее я встречаю здесь много господ, которые ходят по улице без перчаток: возможно, перчатками пользуются только для защиты рук при запуске фейерверков».

Впрочем, это не единственная странность Кенигсберга.

* * *

Неудивительно, что биржа была одним из центров жизни города. Помимо собственно торговых помещений здесь располагался ресторан, который так и назывался – «Биржевой подвал». И не сказать, чтоб он был слишком дорогим – «подвал» пользовался огромной популярностью среди студентов и преподавателей здешнего университета.

Простой же, не ученый кенигсбергский обыватель любил в торговые часы (а сделки заключались всего-навсего с полудня до двух, этого времени вполне хватало), разместившись на специальной верхней галерее, наблюдать за торжищем.

Вечером биржа тоже не пустовала – здесь устраивали всевозможные балы, концерты и маскарады. А на открытой террасе (со стороны реки) регулярно проводили выставки картин и скульптур.

Перед входом в биржевое здание высились фигуры «братьев-львов», держащие гербы города Кенигсберга и купечества.

Кстати, первоначально биржа размещалась не на берегу, а над рекой – не для экзотики, а потому что были трудности с приобретением земельного участка.

Андрей Болотов примечал: «Ратуша сей части города, также и общественный дом не составляли дальней важности, а более их примечания достойна была биржа, построенная на берегу подле зеленого подъемного моста. Она составляла превеликую залу со сплошными почти окнами вокруг, и в оной сходятся все купцы для разговаривания между собой о торговле».

* * *

Неподалеку находилась гостиница «Немецкий дом». Она пользовалась славой одной из лучших в городе. Во всяком случае, считалось статусным остановиться здесь (среди постояльцев наблюдались и министры, и послы), а также сыграть свадьбу в ресторане при гостинице.

Среди прочих знаменитостей в «Немецком доме» жил и Льюис Кэрролл. И, как ни странно, он оставил о гостинице отнюдь не лестный отзыв: «Остановившись в „Deutsches Haus“, мы получили одну необычную привилегию – мы можем звонить в колокольчик столь долго и так часто, как нам того хочется: для прекращения производимого нами шума не предпринимается никаких мер. В среднем горничная является через пятьдесят минут после сигнала, а для того, чтобы получить требуемый предмет, необходимо от тридцати до сорока пяти минут».

Зато русский филолог И. Срезневский радовался: «В Кенигсберге многие умеют жить: прекрасная мебель, чистота, хорошее кушанье, наряды и пр. это доказывают. И профессора живут очень хорошо. Даже моя комнатка в „Deutsches Haus“ была с мебелью красного дерева, с кисейною драпри, украшенной бронзой на окнах, с голландским бельем на постели, с фарфором в умывальне».

Видимо, Льюису Кэрроллу просто тотально не везло.

* * *

Сама же река интересовала путешественников (в основном почему-то русских) не меньше, чем Замок и Кафедральный собор. Андрей Болотов писал: «В... залив впадает река Прегель, от устья которой неподалеку Кенигсберг на берегах оной воздвигнут, река же сия довольно глубока, то и пользуется он той выгодой, что все морские купеческие суда и гальюты доходят... рекой до самого города и тут производят свою коммерцию или торговлю. Упомянутая река протекает сквозь самый сей город, и как она в самом том месте, где он построен, разделившись на многие рукава, то сие служит сему городу в особенную выгоду. Некоторые из сих ровных и низменных островов, перерытых многими каналами, покрыты наипрекраснейшими сенокосными лугами, производящими наигустейшую и хорошую едкую траву, которая в особенности достопамятна тем, что жители кенигсбергские приготавливают из нее особенного рода крупу, известную у них под именем швадентриц».

Впрочем, тот же Болотов не мог скрыть восхищения, вызванного фейерверком, устроенным как-то на реке: «Сделал и смастерил нам его... живший у генерала итальянец Морнини, и как был он не малый, и составлен из огромного фитильного и из свечек сделанного щита, и из множества колес, фонтанов, ракет, бураков и других тому подобных вещей, то работал он его долго, и мне случилось тут еще впервые видеть, как они делаются».

Разумеется, река славилась не только торговыми судами и «фитильными щитами», но и множеством различных достоверных и не слишком достоверных слухов. Однажды, например, один из жителей Кнайпхофа заявил, что сможет положить на воду Прегеля крупнейшее зеркало, которое будет лежать на поверхности ровно и не утонет. Опыт удался, но выяснилось, что хитрец за день до этого воткнул в дно Прегеля винтовки, на штыки которых и положил зеркало. Впрочем, проходимца наказать не удалось – он успел выдернуть винтовки из речного дна, а доказательством были только четыре вмятинки на обороте «волшебного зеркала».

В другой раз один из конькобежцев не заметил прорубь и с размаху в нее въехал. Да так неудачно, что куском крепкого льда ему отрезало голову. Студенты выловили своего товарища, а также его голову, приставили ее к туловищу (было холодно, и она сразу же примерзла) и пошли в ближайший трактир, чтобы оттуда уже заявить в полицию о происшествии. Труп же оставили в прихожей и прислонили к стене.

Для того чтобы согреться, студенты заказали по стакану грога. И как раз в тот момент, когда дочка трактирщика несла поднос с напитками, голова погибшего оттаяла и скатилась на пол, прямо к ее ногам.

Девушка, конечно же, выронила поднос, но главная беда заключалась не в этом. От страха у девицы приключились преждевременные роды, и на свет появился умственно неполноценный младенец, которого жители города прозвали «конькобежцем».

Много говорилось и о двух кошках, которые раскатывали по поверхности реки в двух же пивных котлах. Естественно, те кошки были ведьмами.

Не перечить достоверных историй, связанных с Прегелем.

* * *

Впрочем, одним из основных значений Прегеля все-таки оставалось рыболовство. Нынешний Калининград и область вообще были до войны ярко выраженным рыбным регионом. Рыбу промышляли в самом Прегеле и, разумеется, в Балтийском море. Генерал-аншеф Петр Панин еще в 1762 году описывал особенности здешних мест: «Знатнейшие земские продукты состоят из хлеба, скота, в рыбной ловле, из которых осетры и лаксы, кои ловятся в двух гафах: у Мемеля и у Пилавы, да карпы отпускаются в заморский торг; – в продаже льна и пеньки, лесов, коих ныне достатка мало; – в сборе янтаря, в воске, сале и в масле

и все те продукты и товары здешними купцами отпускаются за море; а выписываются из-за моря: вино, железо, медь, соль и всякие шелковые и шерстяные лавочные товары».

Рыболовство Панин ставил не на первое, а всего-навсего на третье место. Что же до приморских территорий, то здесь первенство рыбного промысла никто оспаривать и не пытался.

Писательница Е. Н. Водовозова-Семевская делилась наблюдениями: «Большая часть населения гафов Балтийского моря и берегов полуострова Замланда – рыбаки и торговцы рыбою. Весь этот люд живет в своих домиках, покрытых камышом. Ни в одном из них вы не найдете трубы: дым ложится темным облаком над головами и медленно выходит через щели и через отверстия в крыше. Балки и потолок покрыты густым налетом сажи. Сети подле дома, в стороне и в самой избе красноречиво говорят о главном занятии жителей. Без рыбы нет еды: рыбу едят с утра до вечера, часто даже совершенно сырую, лишь только вылавливают ее из воды. Несмотря на простоту жизни, здешний люд отличается чистоплотностью, и его нельзя назвать ни грубым, ни неразвитым: большинство говорит на нескольких языках... Здешнее население чрезвычайно набожно, как все рыбаки вообще. Главное занятие их состоит в ловле камбалы, наваги, осетров, угрей, а также в приготовлении икры».

А процесс приготовления камбалы выглядел так: «Очень знаменитой была кранцкая копченая камбала. Перед тем, как поместить в коптильню, она перевязывалась попарно и вывешивалась на длинных веревках на воздухе. Из плотно закрытых крышками коптилен сочился дымок сосновых шишек. В них коптилась желто-золотая камбала. Кто не хотел есть эти дары моря прямо с дыма, мог приобрести готовую рыбу в Кранце, где угодно, по дороге на вокзал».

Со временем колорит рыбацких деревушек утрачивался. А после Второй мировой войны и вовсе почти сошел на нет. Пионер-переселенец Иван Шилов вспоминал: «В поселке Рыбачьем колхоз организовали только в июне или июле сорок восьмого года. Гословские к тому времени выловили весь залив. У них было четырнадцать катеров с двигателями по семьдесят пять лошадиных сил и с тралами, полученными по репарациям. Начальник Гослова Курочкин говорил и руками показывал: „Лови всю: и такую, и такую!“»

Наталья Соседова жаловалась: «Осенью сорок восьмого года я пошла рыбачить... В бригаде из пятнадцати-шестнадцати человек – двенадцать девушек. Когда выгружали и носили сдавать улов (несколько тонн), руки были с кровавыми мозолями. Девки работали больше мужиков. А те, бывало, пьяные, еле разбудишь такого, затолкаешь в лодку – и в залив. В заливе закладывали невод метров на триста. Мужик выбросит мотню и курит, а мы выбрасывали весь невод. За ночь ставили пять-шесть раз. Весь наш флот – лодки-плоскодонки. Один катер ходил собирать лодки. Трудная была работа, никакой спецодежды не было. Один сапог сорокового размера, другой – сорок пятого или вообще валенок. Волна все время заливает лодку... Когда выходили не в залив, а в море, требовался специальный пропуск».

Естественно, рыбаки-немцы не позволили бы своим женам заниматься столь тяжелым промыслом. Просто из гордости.

* * *

Главным же значением реки являлось, конечно же, торговое. Прегель – в первую очередь порт. Порт-кормилец любого ганзейского города. И Кенигсберг – не исключение.

М. В. Станиславский писал: «В 1883 году мне довелось прожить в этом городе около четырех месяцев... Река Прегель, протекающая по городу двумя рукавами, из коих главный не шире нашей Фонтанки, а второй будет равным мойки у Полицейского моста, покрыта была маленькими барками и парусными ладьями, нагруженными для потребности города картофелем, овощами, дешевыми фруктами, каменным углем, дровами, соленой рыбой и тому подобными продуктами продовольствия. Пароходы за недостатком глубины не могли

доходить до Кенигсберга. Морские суда должны были выгружаться в Пиллау, небольшой гавани, лежащей в 80 верстах по направлению к северу от Кенигсберга, и доставлять товары, назначенные в этот город, на небольших лихтерах. Понятно, что такой способ был очень медлителен, дорог, а для некоторых грузов и прямо убыточен. Посетив в сентябре минувшего года Кенигсберг, я был несказанно поражен видом этого города. Из мизерного, словно захудалого городишки, носящего как бы в насмешку гордое название королевской столицы и резиденции... превратился он в настоящую роскошную столицу средней величины. На речке Прегель в самом центре города красовались гигантские пароходы вместимостью до 6000 тонн. Устроена великолепная гавань с новейшими приспособлениями, каких я никогда не видал ни в Петербурге, ни в Кронштадте, ни в Ревеле. Чистота в городе идеальная, порядок движения по улицам образцовый».

Разумеется, по поводу того, что Кенигсберг был «захудалым городишкой», мемуарист сильно лукавил. Но безусловно был прав в одном: кенигсбержцы постоянно совершенствовали свой торговый порт.

Здесь набиралась своих первых жизненных впечатлений Кете Кольвиц, знаменитая немецкая художница. Она писала о своем счастливом детстве, проведенном в Кенигсберге: «Мы шатались по всему городу и за его воротами, просили переправить нас на другой берег Прегеля, крутились в гавани. Потом мы останавливались и смотрели, как работают грузчики, разгружавшие и погружавшие суда. Мы знали мельчайшие переходы и романтические улочки, которые под арками ворот пересекали вдоль и поперек старый город. И как часто, когда разводили мосты, мы стояли на берегу и смотрели, как внизу проплывают пароходы и баржи, всматривались в лабиринты овощных барж, бродили вокруг замка, вокруг собора, гуляли по лугам, подступавшим к Прегелю. Мы знали, где причаливали виттиненские баржи, нагруженные зерном, и знали йимексов, сопровождавших эти суда: они одевались в овечьи тулупы и плетеные лапти. Это были добрые люди, русские и литовцы. По вечерам на своих баржах они играли на гармониках и танцевали под эту музыку. Это, казалось бы, неорганизованное, безо всякого плана шатание по городу было, несомненно, очень полезным для художественного развития».

И так же несомненно следует из мемуаров Кете Кольвиц то, что если Кенигсберг был восточно-прусской столицей, то столицей самого Кенигсберга был не Кафедральный собор и не Королевский замок, а именно река Прегель.

Впоследствии Кете совершает эти самобытные походы уже осознанно. Она ищет здесь типажи для своих статуй. Однажды Кольвиц напишет своему приятелю, некому Поллю Хею: «Я разыскала совершенно великолепный кабачок, в котором может разыгрываться сцена. Это доподлинный притон убийцы, где встречаются матросы, беспутный кабачок с танцами. По вечерам здесь очень шумно. Я подружилась с хозяином и днем, когда зал пуст, рисую там, трясясь и робея».

Искусство того стоило.

* * *

Здешний порт воспели кенигсбергские поэты. К примеру, Вальтер Шеффлер:

И гудят суда в порту,
Разгружая по фахверкам
Привозной ганзейский груз,
Где его рассортирует
Мастер с кнастером во рту.
И река, и порт были того достойны.

* * *

Вплотную к реке прилегал Рыбный рынок – важная городская достопримечательность довоенного Кенигсберга. Один из обывателей, Марион Линдт, писал в своих воспоминаниях: «Истории о весьма необыкновенных женщинах, торговавших на Рыбном рынке Кенигсберга рассказывали по всей Германии. Когда к нам приезжали гости и знакомились с архитектурными и другими достопримечательностями города, мы обязательно совершали паломничество на Рыбный рынок. Обычно они заранее просили об этом.

И правда, будучи в Кенигсберге, не стоило упускать возможности узнать, как эти рыботорговки занимались своим делом, каким вокабуляром они пользовались, какие канонады ругательств они обрушивали друг на друга и на покупателей, входя в раж. Например, если кто-нибудь пытался оспорить у них постоянное место на рынке, даже в том случае, когда речь шла всего о полуметре, то на него обрушивались гром и молния, да такой силы, что начинали дрожать мосты через Прегель. Удовольствие от этого светопреставления получали, прежде всего, прохожие и зеваки. Случалось, что в процессе скандала одна из этих разбушевавшихся «валькирий» просто опрокидывала у покушавшейся конкурентки ящик с рыбой. Тогда звали полицейского, чтобы разобраться. Тот приходил, но чувствовал себя неуверенно: ему приходилось применять весь свой дипломатический такт, занимаясь расследованием, иначе второй заряд грома и молнии обрушивался ему на голову. Однако, несмотря на это, торговки Рыбного рынка горой стояли друг за друга, даже если в споре между собой время от времени запускали друг в друга рыбную голову или деревянную туфлю.

Самым разумным во время этих скандалов на Рыбном рынке было держаться подальше от споривших рыботорговок и не вмешиваться. Однако эти скандалы лишь внешне производили грозное впечатление, оставаясь по сути безобидными. Они были просто частью профессии, отражая особенный грубоватый экзотический нрав рыботорговок, бывший даже предметом их гордости».

Ареал обитания этих достойных матрон ограничивался рыбным рынком? Нисколько: «В нерыночные дни рыботорговки бродили по улицам города и громко выкрикивали наименования предлагаемых товаров. Летом кроме рыбы предлагались свежие ягоды. Глубоким грудным голосом они пронзительно громко кричали на всю улицу:

- Черника, отборная черника!
- Ай да судак! Чудо-судак! Тает во рту!
- Свежая треска!

Это был сигнал для домохозяек пополнить их запасы.

При появлении претенденток на покупку рыботорговки вначале вели себя весьма дружелюбно и вежливо: «Ну что, дамочка, как насчет килограммчика корюшки? Возьмете полкило? Нет? Ай-ай, ну тогда парочку свежих судачков для господина супруга? Тает во рту, как масло! Тоже нет? А что сегодня такое? Что, старый, не в настроении? А чернички? А алычи? Вообще ничего сегодня? Ну, тогда хватит обнюхивать мой товар, глаза живот не кормят!»»

Впрочем, случались и истории покруче: «Какая-то молодая женщина нерешительно топталась у рыбного прилавка и наконец обозначила свое сомнение: «Рыбка у вас какая-то вся кривая...» Ответ рыботорговки не заставил себя ждать: «Милочка, полежите-ка голой на таком морозе здесь на прилавке – вас еще не так перекосит от холода!» А после того, как «милочка» робко позволила себе невинный вопрос-сомнение: «Но рыба у вас по крайней мере свежая?», на нее обращалась вся крупнокалиберная артиллерия сочной кенигсбергской брани: «Че? Можя еще скажете, чона воняет? А ну, хромай отсюда, коза кривоногая, пока я тебе рога не обломала!» «Кровавая» развязка не состоялась, потому как жертва «артиллерийской подготовки» быстро исчезла с рынка, будто унесенная взрывной волной.

Такого темперамента, как у женщин с Рыбного рынка на Преголе, пожалуй, больше нигде не сыскать. Те, кто их видел, вряд ли забудут, а, вспоминая, наверно, будут хихикать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.